

СОЦІАЛЬНА ФІЛОСОФІЯ

УДК 1:802

О.В. Мальцева

Приазовский государственный технический университет, г. Мариуполь, Украина

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ САТИРЫ БЕРНАРДА МАНДЕВИЛЯ

Статья посвящена анализу социально-философской сатиры Б. Мандевиля. Отмечается, что исследование социальной действительности с помощью смехового отношения позволило Б. Мандевилю не только выявить злободневные проблемы Англии начала XVIII века, но и раскрыть некоторые универсальные смыслы и закономерности общественного развития.

Затронувший все сферы общества мировой кризис с новой силой показал несовершенство различных общественно-политических и социально-экономических институтов, в очередной раз подтвердил психологическую неустойчивость, возрастающее чувство неуверенности в завтрашнем дне, свойственное переходным, бифуркационным периодам. В условиях дистресса, всеобщей растерянности ослабляется роль рациональных компонентов сознания, снижается способность к логико-понятийному дискурсу. Напротив, в таких обстоятельствах в оценочную деятельность и моделирование новых конструкций «социального» как такового включается коллективное бессознательное. Характерный переходным, кризисным периодам дух скептицизма и критицизма вызывает к жизни смеховую стихию. Смех, отрицая саму сущность осмеиваемых явлений, противопоставляет их вновь найденным идеалам, смеховой оценке подвергается все, что стоит на пути обновления. Современная ситуация дает множество примеров смехового анализа и обыгрывания всевозможных негативных сторон различных общественных явлений и процессов, которые препятствуют дальнейшему социальному развитию. В этом плане можно говорить о важной социальной роли смеха и его значительном влиянии на формирование очертаний будущего общественного порядка.

Поскольку смех утверждает идеалы как бы от противного, через обличение «антиидеала», одной из наиболее распространенных форм его проявления выступает социальная сатира. Необыкновенная оперативность реагирования на сложившуюся ситуацию, злободневность сатиры зачастую служат основанием для утверждений о краткосрочности ее воздействия и стремительной утрате ею актуальности. Однако не всякая сатира мгновенно изживает себя. В этом смысле вызывают интерес образцы сатирических произведений, в которых авторами был заложен глубокий социально-философский смысл, неподвластный времени. Его не смогли выхолостить ни социально-экономический прогресс, ни совершенствование политических систем, ни современные технологии стабилизации общественного порядка. Они всегда уместны, воспринимаются свежо и актуально в любых исторических условиях и несут в себе поучительные выводы для самых разных типов общества.

Одним из таких авторов является английский мыслитель XVIII века Бернард Мандевиль, работавший в нестандартном жанре философской басни. Virtuозно используя сочетание смехового отношения к общественным процессам и серьезного социально-философского анализа, он выступал с сатирическим обличением человеческой природы, несовершенства мира социальных связей, а также царивших в массовом сознании того времени представлений о целях общественного развития и наилучших формах общественного устройства. Безусловно, басни Мандевиля – это, прежде всего,

ответ на вызовы английского общества, пребывавшего в переходном состоянии на рубеже XVII – XVIII веков и ищущего новые бытийные формы, способные обеспечить людям политическую и экономическую стабильность, социальное равновесие, духовно-нравственные основания для дальнейшего расцвета. Однако данные мыслителем ответы, неожиданный угол зрения на возникшие проблемы, характер подачи материала и найденная им неподражаемая интонация перешагнули пространственно-временные границы, поскольку они раскрывают сущность закономерного для переходных условий стремления общественного сознания к созданию идеализированных, совершенных моделей социального устройства без объективного учета всех возможных последствий их внедрения на практике. В этом плане **актуальным** является изучение исследовательских методов и приемов, примененных Мандевилем для оценки социальных настроений в переходных состояниях общества. На наш взгляд, выявление причин необыкновенной убедительности полученных им выводов и их бессрочной востребованности сегодня своевременно и обоснованно. В настоящей ситуации масштабных трансформаций (как на уровне мировых процессов, так и в Украине) идет напряженный поиск новых социальных моделей. В этих обстоятельствах учет уроков мандевилевской сатиры может принести немалую пользу и привести к определенным коррективам в создании современных проектов общественного развития.

Как мы уже отметили, Мандевиль не остался мыслителем исключительно своей эпохи. Он никогда не был забытым философом. Библиография работ, посвященных изучению его идей, многочисленна и разнообразна. В опубликованном Ф.Б. Кайе обширном списке хронологически упорядоченных ссылок на его произведения, встречающихся в мировой литературе с 1716 по 1933 годы, мы встречаем философов, социологов, экономистов, психологов, социальных антропологов, историков, публицистов, политиков. Д. Юм в своем «Трактате о человеческой природе» поставил имя Мандевилля в один ряд с именами Дж. Локка, А. Шефтсбери, Ф. Хатчестона и Дж. Батлера, указав, что именно эти философы начали создавать науку о человеке на новом фундаменте – опыте, предопределив основную тему философствования Нового времени. К Мандевиллю апеллировали в своих сочинениях Вольтер и Монтескье, Руссо и Дидро, Мабли и Гольбах, Галлер и Годвин, Гердер и Кант. Его творчество прямо или косвенно оказало влияние на мыслителей и писателей эпохи Просвещения. По замечанию Ф.А. Ланге, основное положение Мандевилля о том, что «...пороки служат общему благу, было некоторым образом тайною статьею просвещения, которая редко упоминалась, но никогда не забывалась» [1, с. 232].

Среди наиболее заметных публикаций, посвященных исследованию творчества Мандевилля с конца XIX века, отметим работу немецкого историка П. Сакмана, автора одного из самых скрупулезных трудов об этом философе. П. Сакман увидел в Мандевиле мыслителя, который вскрыл «...противоречие в самой сущности культуры цивилизованного общества, вырастающей на почве антагонизма между материальными и моральными факторами» [2]. В работе русского философа Н.Д. Виноградова, работавшего в начале XX века, отмечается, что анализ цивилизации, который дал Мандевиль, был односторонним и лишенным исторической перспективы. По мнению этого мыслителя, Мандевиль не имел оснований для категорического утверждения универсальности и неизбежности отрицательных явлений цивилизованного общества. Он считал, что описанные Мандевилем парадоксы общественного развития свойственны исключительно буржуазному обществу, да и то только на определенных этапах развития. Виноградов писал: «Некоторые из отмеченных Мандевилем особенностей в сфере экономических и социальных отношений уже утратили или утрачивают свой острый характер, другие более тесно связаны с самим существом буржуазного строя» [3, с. 180]. Также выделим монографию отечественного философа А.Л. Субботина «Бернард Мандевиль» (1986), посвященную всестороннему анализу творческого наследия английского моралиста. В ней

автор исследует философско-этические и социально-политические взгляды этого мыслителя. Субботин, вступая в заочную дискуссию о смысле социально-философской сатиры Мандевиля, приходит к следующему заключению: «Время самый лучший, самый справедливый судья не только человеческих деяний, но и идей. И рассматривая сегодня идейное наследие Мандевиля, мыслителя и моралиста, мы явственно видим, насколько стойким и существенным оказался именно критический компонент его взглядов, насколько он заслонил собой и отодвинул на второй план те мандевильские представления, которые не выходили за пределы узкого горизонта буржуазного мировоззрения» [4, с. 106].

На наш взгляд, этот спор о степени универсальности социально-философской сатиры басен Мандевиля, затянувшийся более чем на три столетия, исчерпал себя. Мы изначально солидаризируемся с теми исследователями, которые утверждают, что этому английскому философу действительно удалось обнаружить определенные, повторяющиеся схемы социального взаимодействия, обнажить подлинные мотивы в поведении людей, которые неизменно приводят к одним и тем же парадоксальным выводам. Аллегии, предложенные в его философских памфлетах, легко преодолевают исторические и географические границы и неизменно «работают», демонстрируя не только удивительную прозорливость, но и потрясающее остроумие Мандевиля. В этой связи имеет смысл направить исследование творчества этого мыслителя в несколько иное русло и попытаться понять, в чем собственно состоит секрет универсальности мандевильских идей, а точнее, проанализировать, какие способы и средства, приемы изучения природы общественных отношений послужили залогом успешности и долговечности его социальной сатиры.

С нашей точки зрения, заслуга Мандевиля состоит в том, что ему удалось преодолеть устойчивый стереотип, согласно которому философия вообще, а тем более произведения, затрагивающие анализ социально-экономической и политической сферы общества, должны быть выдержаны в рамках исключительно научно-рационального подхода. В его творчестве используется весь спектр смехового отношения к социальной действительности: от тонкой иронии, искрометного юмора к гротеску и беспощадной сатире. И эта сторона социальной философии Мандевиля еще недостаточно осмыслена. Обращение к смеховому началу для анализа современной ему общественной ситуации и духовно-нравственной атмосферы, выбор им смеха как средства критики, а также оформление сложных философских идей в форме сатирических произведений еще не нашли полного отражения в научных разработках.

Исходя из этого, **цель данной работы**: выявить функциональный конструктивизм смеха и остроумия как исследовательских приемов и методов социально-философского анализа в сатирических памфлетах Бернарда Мандевиля.

Для достижения поставленной цели решим ряд **задач**: 1) изучим социально-исторические предпосылки и условия создания философских басен Бернарда Мандевиля; 2) проследим роль смехового начала в его произведениях как специфического приема анализа социальной действительности и эффективного средства воздействия на общественное сознание (бессознательное); 3) рассмотрим универсальные смыслы мандевильской сатиры и выявим источники ее универсализма.

Что касается **методологии научного поиска**, то в работе предполагается использовать сравнительно-исторический метод, структурно-функциональный и системный подход, отдельные приемы структурно-лингвистического анализа, специальные методики психологии социального взаимодействия и межличностных отношений, а также компаративистское обобщение.

Как известно, создание философских басен Мандевиля пришлось на время, когда английское общество пребывало в переходном состоянии. Смысл любой переходной эпохи заключается в поиске новых путей общественного развития, который сопровождается распадом прежних социальных норм. Нарушение традиционных культурных границ само по себе высвобождает смеховую стихию, которая вырывается за конвен-

циональные рамки и пронизывает все стороны жизни. Люди в такие периоды оказываются по-особому чувствительными к смеховым настроениям, они чутко реагируют на беспрецедентное разложение нравов, проявления невозможного в обычных условиях цинизма в массовых масштабах, исключительную человеческую черствость и жестокость. Иными словами, философское учение Мандевиля следует рассматривать не только в контексте предшествовавших, современных ему альтернативных воззрений или сегодняшних социально-философских установок, но и с учетом условий общественной жизни той эпохи, когда оно создавалось, – ее политических, экономических и культурных реалий, включая достигнутый уровень знаний, распространенные религиозные взгляды и представления, бытовавшие в то время в искусстве и литературе.

Даже обзорный исторический экскурс позволяет воссоздать обстановку в Англии начала XVIII века (а то, что прототипом описанного в баснях Мандевиля «возроптавшего улья» выступила именно Англия, ни у кого никогда не вызывало сомнений). Если эпоха революций XVII века была временем стремительного духовного подъема, надежд, новых социальных проектов и принципиальной борьбы идей, то в начале XVIII века героизм, самопожертвование, бескорыстие, энтузиазм стали анахронизмами. В обстановке социального хаоса, попустительству процветающему мошенничеству и эгоистической расчетливости эти порывы считались неистовым тщеславием и осуждались как фанатизм. Общество входило в совершенно другую фазу развития капитализма. Жажда накопительства и обогащения стала лучшим свидетельством здравого смысла. Не только вещи, но и идеи, морально-нравственные принципы превратились в товар.

В стране сложилась противоречивая обстановка. Религиозным идеалом все еще служила не просто нравственная, но аскетическая личность, в которой все аффекты, чувство свободы и радости жизни подавлялись. Поэтому всякая изысканность, утонченность нравов, откровенное наслаждение простыми житейскими удачами попадали в разряд «пороков», не говоря уже о необходимом для успешного развития бизнеса духе соперничества, изворотливости, риске, умении извлечь из любой ситуации личную выгоду. Время от времени на этой почве вспыхивали религиозные споры, но под влиянием идей Локка веротерпимость оставалась преобладающим настроением в английском обществе. Ни столкновения консервативного англиканского духовенства («высокоцерковников») с «низкоцерковниками» и диссидентами, ни вражда между различными христианскими сектами, ни деизм образованной элиты не сделали англичан менее религиозными. Однако наблюдался определенный мировоззренческий сдвиг в области этики и психологии. По этому поводу английский историк Дж.М. Тревельян отмечает: «Этический кодекс, основанный на христианской доктрине, был тогда правилом жизни для значительно большей части общества, чем это было в периоды позднего средневековья и Тюдоров» [5, с. 368]. Подобного рода сочетание демонстративной набожности с жаждой наживы любыми средствами породило то ханжество, что заполняло социальную жизнь, глубоко пропитало состоятельные слои общества и стало одной из отличительных черт британской респектабельности. Как замечает А. Субботин, «...люди, живые, реальные люди послереволюционной Англии, были далеки от того идеала гармонической, умеренной в своих потребностях, разумно-нравственной личности, за который ратовал в своей этике Джон Локк» [4, с. 7].

Занимаясь в этой обстановке литературной деятельностью, Бернард Мандевиль как философ, писатель, публицист, доктор, специализирующийся по вопросам психиатрии, смог охватить широкий круг тем и использовал при этом самые разнообразные жанры. Список его работ внушителен и поражает многообразием. Здесь и стихотворный сборник произведений, подражательных Лафонтену, Эзопу, Скаррону, и самостоятельные стихотворения, художественная проза, философские трактаты, эссе и диалоги,

медицинский сборник, публицистика. Однако подлинный отклик у общественности и всемирную известность Мандевиллю принесла изданная анонимно в 1705 году брошюра, которую он назвал «Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными».

Эта написанная в стихах басня отличалась не только оригинальностью сюжета, парадоксальностью своей основной мысли, но и неординарной манерой ее изложения. Используя смех как специальный инструмент оценки общественной ситуации, автору басни удалось избежать соблазна создания некоей стандартной аналитической схемы, застывших и для многих опостылевших готовых формул индивидуального и социального существования. Обращение к смеховому началу как исходной позиции в анализе общественной жизни позволило Мандевиллю разрушить устоявшиеся представления о протекавших тогда социокультурных процессах. Смех сделал возможным проникновение в глубинную суть социальных явлений, обеспечил «эмоционально-чувственное созерцание истины» только ему присущим и только для него доступным способом.

В центре повествования оказалась история богатого пчелиного улья, который славился своим законодательством, военной мощью, был центром промышленного развития и науки, но при этом его жизнь изобиловала всевозможными пороками, плутнями и мошенниками. Перед читателем раскрывается широкая социальная панорама: по сути, это ярко изображенная вереница представителей различных профессий, и ни одно ремесло, ни одна должность не обходятся без обмана, жульничества, поиска дополнительной наживы. Плутуют не только многочисленные аферисты и проходимцы, здесь каждый норовит «нагреть» другого. Ремесленники надувают заказчиков, покупателей и друг друга. Адвокаты в ненасытной жажде гонораров сами разжигают споры и умножают число тяжб. Падкие на взятки судьи намеренно откладывают слушание дел. Врачи больше дорожат своими доходами, чем здоровьем пациентов. Жрецы под маской благочестия скрывают свое тунеядство, сластолюбие и алчность. Преступные генералы уклоняются от сражений и вступают в сделки с неприятелем. А министры обкрадывают корону, которой сами же служат. И на этом всеобщем плутовстве зиждется процветание и величие пчелиного общества. Порок каждого отдельного его жителя благодаря умелому управлению ульем способствует счастливой гармонии целого: скупость, накопляя богатства, создает условия для расточительства; стремление к роскоши дает работу миллионам бедняков; тщеславие, зависть и алчность возбуждают трудолюбие; а непостоянство моды и вкусов служит двигателем торговли.

Смена сюжетной линии басни начинается с внезапно посетившего пчел желания жить не только богато, наслаждаясь роскошью и могуществом улья, но и честно, неукоснительно соблюдая нравственные законы [6, с. 124]. С этого момента в некогда процветавшем обществе начинается хаос и неразбериха. Снижение цен, своевременное возвращение долгов, небывалая честность адвокатов и кредиторов, добросовестная работа министров, исправное содержание армии, скромные запросы бывших модниц и аскетический образ жизни тех, кто привык к роскоши и транжирству, привели к совершенно неожиданному результату. Без дела остались не только адвокаты и судьи, тюремщики и многочисленные чиновники – лишились работы и миллионы тех, кто продавал свой труд, так как с исчезновением богатства и роскоши, с ограничением потребностей и обеднением всей жизни свернулись целые отрасли производства, пришли в упадок ремесла, искусства и торговля. В улье наступило запустение и упадок, а «проникшие духом простоты и первородной чистоты» пчелы настолько опростели, что «все в дупло перелетели, где, честной бедностью своей гордясь, живут до наших дней» [6, с. 129].

Закрывающая басню «Мораль» гласила: наслаждаться богатством, славой и комфортом и при этом избежать больших пороков – пустая утопия; наши пороки, если они связаны правосудием, приносят обществу выгоды; одна лишь добродетель не может обеспечить народам достаток и процветание. А те, кто хотел бы возродить «золотой век», должны не только стать честными, но и научиться питаться желудями. Эта

аллегория, выдержанная в едких иронических тонах, буквально всколыхнула общественность. Мысли, изложенные в басне, практически сразу вышли на уровень универсальной социальной и философской проблематики. Неоднократно переиздаваясь, книга обрастала многочисленными пояснениями, дополнениями, комментариями и из тоненькой язвительной брошюры ко второму изданию в 1723 году превратилась в увесистый двухтомник с названием «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества». Именно под таким названием она и вошла в мировую литературу.

Важно заметить, что по замыслу автора «Басня о пчелах» предназначалась для развлечения, причем не для широкого круга читателей. Она была адресована людям ученым и образованным, поскольку содержала, по словам Мандевиля, «способ суровой проверки добродетели». Однако кажущаяся простота подачи материала, доступность для восприятия и действительно развлекательный стиль изложения серьезных проблем сделали басню популярной у самых разных категорий населения, заставив общество в целом задуматься над обнаруженным мыслителем парадоксом.

Безусловно, такая популярность произведения во многом объясняется тем, что актуальные социальные проблемы исследовались через смеховое отношение. Но в то же время ироническое описание того, к чему пришли пчелы, став честными и порядочными, служило утверждению основного, совершенно серьезного и для многих противоречивого тезиса о полезности пороков во всех великих, богатых и могущественных государствах. В итоге Мандевилю до конца жизни пришлось пояснять, что острие его сатиры было направлено не на добродетель, что его книга не является гимном пороку, – напротив, она есть надежное средство различения подлинного и поддельного и представляет собой «науку о строгой и возвышенной нравственности». Он постоянно подчеркивал, что писал не для всех, не для толпы, а лишь для тех немногих, которые «способны мыслить абстрактно и возвысить свой ум над невеждами». Что касается исследования порока, то он считал это занятие несколько не приносящим вред. «Можно писать о ядах и быть отличным врачом». «Порок же, сам по себе, всегда плох, какую бы выгоду из него ни извлекали» [7, с. 369]. Мандевиль настойчиво отстаивает истину о том, что в любом обществе, большом или малом, долг каждого его члена – быть нравственно порядочным, добродетель следует поощрять, порок – порицать, законы – соблюдать, а их нарушителей – наказывать. И как последний и самый весомый аргумент философ утверждает: «Цель “Басни о пчелах” – вовсе не апология пороков, а их разоблачение и *высмеивание*» [7, с. 342].

На самом деле мы имеем возможность проследить, как через призму смеха преломляются излишняя стыдливость и гордость, зависть и любовь к наживе, ревности и надежды, страх и гнев, жалость и испуг. В зеркале мандевилевской сатиры отражаются все компоненты человеческой природы. Его смех, сопровождая развенчание ничтожности, претендующей на многозначительность, укрепляет подлинное достоинство человека. Автор использует все многообразие приемов комического, привлекая его различные формы и степени. Умелое сочетание легкого юмора и жесткой сатиры, тонкой иронии и едкого сарказма позволяют «во-первых, показать невозможность наслаждаться теми жизненными удобствами, которыми располагает трудолюбивая, богатая и могущественная нация, и одновременно обладать “всеми благословенными добродетелями и невинностью” и, во-вторых, – разоблачить безрассудство тех, кто, стремясь к богатству и будучи жаден до всех благ, в то же время громко порицает пороки и неудобства, совершенно неизбежные при таком строе жизни» [4, с. 25]. Социальная направленность смехового воздействия проявляется также в стремлении преодолеть недостатки человека указанием на его истинное предназначение и высокие цели (а не «выкорчевыванием его природного начала»), в попытке найти более совершенные формы общественного бытия путем разрушения ложных мнений, иллюзий людей о себе, своей способности утвердить идеал через отрицание человеческого естества.

Смех в своей бескомпромиссности и правдивом показе социальной действительности, в обнажении источников и противоречий ее движения, своим вторжением в самые «горячие» точки бытия, непосредственным проникновением в обсуждение социальных, политических, экономических, нравственных вопросов во все времена захватывает в круг своих интересов конкретно-исторические условия жизни общества, защиту прав и свободу личности, борьбу за социальную справедливость, поиск общепризнанных ориентиров, выявляя при этом сущность не мнимых, а подлинных ценностей. Апеллируя к эмоционально-чувственной сфере, к интуиции, мандевильский смех достигает гораздо большего эффекта воздействия на общество, чем любые рационально-логические построения. Особенно, если учитывать, что появление «Басни о пчелах» пришлось на переходное время, когда общественное сознание, будучи по форме вполне рациональным, целесообразным, в то же время по сути и способу построения объяснений существующей ситуации регрессировало к более простым, примитивным способам реагирования. Смеховая подача материала в условиях социальной аномии и радикальной смены картин мира предполагала неконтролируемую, бессознательную реакцию, что было намного продуктивнее навязывания любых рассудочных схем. Сатира в баснях Мандевиля самым непосредственным образом приближалась к социальной практике. Смех здесь, хотя и решал локальные проблемы, препарировав отдельные явления в жизни общества, кроме того, брал на себя более масштабные функции конструктивного рассмотрения общественных противоречий и универсального мировоззренческого регулирования.

Использование смеха как способа критической оценки общества стало залогом универсальности тех смыслов, что обнаруживает мандевильская социальная сатира. Традиционное философское повествование, несомненно, проиграло бы по сравнению с теми «...живыми картинками колоритной английской действительности, искрящимися юмором и оплетенными кружевом психологического анализа» [4, с. 85-92], которые создал Мандевиль. Выстроенная им типология психологических образов вполне могла бы войти в современное руководство по социальной психологии. Характер социального и межличностного взаимодействия в условиях многонаселенного города описывается мыслителем при помощи тех приемов, которые и сегодня используются в описательной психологии. В отличие от нынешних исследований, всецело уповающих на эксперимент и математические методы, этот врач-психиатр создал свою типологию, руководствуясь исключительно целостностью собственной философской концепции, опираясь на интуицию писателя и самобытное чувство юмора. Хотя, надо признать, это не единственный пример, когда писателю удается глубже проникнуть и воссоздать индивидуальную и социальную психологию, распространенные психологические стереотипы, чем специалистам в этой области. Развивая учение Спинозы и Гоббса об аффектах, Мандевиль видел в последних источник свойственных человеческому естеству влечений и отвращений, саму сущность его неизменной природы. Речь идет об его идее, согласно которой отнюдь не самые лучшие аффекты, не привлекательные качества и добрые чувства делают человека существом общественным. В некотором роде эти идеи можно считать предтечей теорий утилитаризма и прагматизма, в которых опора на психологию человека служит основанием для выявления соотношения нравственности и пользы, пользы и истинности.

Сатирическое учение Мандевиля о месте морального зла в развитии общества в дальнейшем было развито Г.В. Гегелем, который подтверждал мысль о неизбежности и даже полезности зла в условиях социального неравенства. Гельвеций, А. Смит, К. Маркс испытали на себе влияние экономических воззрений, изложенных в этой знаменитой басне. А. Смит, комментируя Мандевиля, отмечал, что по мере развития торгово-промышленного буржуазного общества росло его богатство и могущество. Преследуя собственный интерес, свою личную экономическую выгоду, люди невидимой рукой

направлялись к цели, которая вовсе не совпадала с их намерениями, и часто более действительно служили интересам общества, чем если бы сознательно стремились к этому. В этом, по мнению экономиста, и состоит универсальный смысл мандевильевской сатиры. Маркс, в свою очередь, указывал на плодотворность социально-экономической концепции Мандевиля о «производительности всех, даже самых непроизводительных профессий». Ссылаясь на эти соображения автора «Басни о пчелах», К. Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» заметил: «Только Мандевилль был, разумеется, бесконечно смелее и честнее проникнутых филистерским духом апологетов буржуазного общества» [8, с. 395]. Называя его «...честным человеком и ...ясной головой», Маркс часто цитирует Мандевиля, особенно его комментарии к «Басне»: «...то, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас социальными существами, является прочной основой, животворящей силой и опорой всех профессий и занятий без исключения; здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем» [6, с. 329].

Констатация того факта, что из самых неприглядных человеческих пороков хорошо организованное на основе правосудия общество может быть преуспевающим и могущественным, позволяет утверждать, что этот мыслитель внес свой вклад в развитие теории правового государства. Он неукоснительно стоял на позиции правового мировоззрения и считал, что любой стране необходим правопорядок, беспристрастное правосудие, мудрые и охватывающие все стороны государственной жизни законы. Его замечания по поводу политического управления обществом также заслуживают внимания. По мнению философа, плохая политика, упущения и ошибки правителей недопустимы, поскольку «держат народ в страхе и насилуют умы людей» [6, с. 76].

Интересными и актуальными остаются мысли Мандевиля о развитии образования, науки, искусства. Столь нетривиально поднимая тему зла, тему человеческих пороков, обличая лицемерие и ханжество, мыслитель обращал внимание на ту нравственную проблематику, игнорировать которую не может подлинное художественное творчество. Ориентируя на изображение людей такими, какими они являются в действительности, остро ставя вопрос о противоречиях, составляющих «гармонию» современного ему общества, «...он тем самым способствовал утверждению реализма в искусстве» [9, с. 107].

Как видим, универсальные смыслы «Басни о пчелах» вытекают из так называемого парадокса Мандевиля. Причем сатирическое оформление выявленной им противоречивости общественного развития сделало заложенные автором произведения выводы также неоднозначными. Конечно, Мандевилль действовал под впечатлением от атмосферы переходной эпохи, интуитивно апеллируя к сфере бессознательного. Вряд ли он целенаправленно использовал особенности сатирического жанра и специфику смеха, чтобы раскрыть и красочно запечатлеть двойственность и противоречивость человеческой природы, внутренних источников становления высокоразвитых цивилизованных обществ. Исходной целью его работы, как он сам отмечал, было развлечь интеллектуальную элиту оригинальностью своего замысла, заставить задуматься о целях и средствах индивидуального и социального совершенствования, не более того. А то, что идеи философа стремительно овладевали умами людей, вызывали и до сих пор вызывают вокруг них яростную полемику, на наш взгляд, стоит расценивать скорее как «побочный эффект», связанный со своеобразием и противоречивостью самой сатиры как жанра и амбивалентной природой смеха.

В современных теориях смеха сатира рассматривается как «наиболее сложный смеховой феномен, изначально обреченный на неудачу» [10, с. 220-222]. Как поясняет исследователь А. Козинцев, это связано с тем, что сатирик стремится совместить то,

что можно лишь чередовать, – серьезное отношение к объекту с юмористическим мета-отношением, направленным на подрыв этого отношения. Он хочет атаковать зло смехом, но средство, которое он пытается использовать для достижения этой цели, – бессознательный игровой сигнал миролюбия – делает задачу неосуществимой. На сознательном уровне сатирик убежден, что нападает на объект с полным правом, однако своим смехом он бессознательно сигнализирует, что считает свои нападки неправильными и просит не принимать их всерьез. М. Бахтин, например, считал, что сатира – типичный пример рассогласования между коммуникацией и метакоммуникацией, поскольку она эксплуатирует смех для решения инструментальных задач. Смех, который она пытается использовать для своих целей, считая его своим оружием, глубоко чужд ей по своей сути. Он такое же оружие, как «меч Арлекина» – пара дощечек, которыми Арлекин с треском ударяет противника, не причиняя ему никакого вреда. По справедливому замечанию Бахтина, смеющийся сатирик не бывает веселым, в пределе он хмур и мрачен [11, с. 539] – отчасти из-за своей серьезной морализаторской установки, отчасти из-за подспудного осознания неосуществимости своего замысла.

История не сохранила нам хоть какого-нибудь портрета Мандевиля (мы не можем представить автора улыбающимся или хмурым, распознать его общее жизненное настроение, главную эмоцию по мимике лица). Тем не менее, тон последовавших после опубликования басни комментариев дает возможность понять, что мыслителю пришлось пережить все возможные перипетии, связанные с неоднозначностью восприятия его сатирического смеха. Его обвиняли в развращении нравов христиане и простые обыватели, его уличали в отсутствии патриотизма бизнесмены и политики, его укоряли в непоследовательности мыслей интеллектуалы и ученые мужи. Неспроста ему как автору постоянно приходилось дополнять, пояснять, интерпретировать заново свое произведение. Как пишет А. Субботин, Мандевиль определенно давал понять своим критикам, что иронический, сатирический текст его «Басни» нес в себе в высшей мере благочестивое содержание. На протяжении многих лет доказывая, что людские пороки при соблюдении должных ограничений необходимы для благополучия, философ, в конце концов, предоставлял членам общества самим решать, стоит ли достигать его такой ценой. Неистово отстаивая свой первоначальный ход мыслей, он изыскивал все новые способы «преподать обществу урок». Но даже его неумный запал выветрился, к концу жизни Мандевиль устал от роли бесконечно оправдывающегося и «без вины виноватого». «Итак, глубоко эшелонированная оборона, пространные пояснения и объяснения. Куда девались искрящиеся юмором зарисовки и остроумные сентенции автора комментариев к “Возроптавшему улью”? Только едкие иронические замечания и контратакующие вылазки в расположение противника» [4, с. 102].

Выходит, что, с одной стороны, Мандевиль попал в жанровую ловушку: совершая смеховые нападки на порок, он тем самым демонстрировал несерьезность своих обличительных намерений (напомним, с точки зрения современной теории, смех есть игровой, миролюбивый сигнал агрессии). Этим он оставлял своим оппонентам широкое пространство для критики и обвинений в пропаганде порока и безнравственности. Но, с другой стороны, то, что исследователи смеха называют «неизбежной неудачей сатиры», помимо его собственной воли сыграло ему на руку, оказалось самой большой удачей его философского творчества и обеспечило неповторимый магнетизм главному произведению его жизни. Ему было достаточно сформулировать суть своего парадокса и выразить его через смеховое отношение, а все остальное смех «сделал» сам.

Дело в том, что для Мандевиля основной задачей было вовсе не искоренение пороков или обличение могущества и богатства английской короны, а выявление противоречивой взаимосвязи между духовно-нравственными устремлениями человека и общества и материальными ценностями, экономической выгодой. В этом состоит важное

отличие традиционной сатиры и ее мандевилевского варианта. Формально цель любой злободневной сатиры в ее классическом варианте – выявить изъяны социальной действительности и, «покарав» виновных осмеянием, избавить общество от этих недостатков. Такова была сатира советского периода, когда высмеивание различных, не вписывающихся в социалистическую реальность явлений, поступков, человеческих качеств, предполагало ожидаемый результат, – их полное и абсолютное неприятие, мобилизацию общественного мнения на борьбу с тем, что автор считает злом, и последующее исключение его из жизни социума. Смех в данном случае использовался как инструмент, средство достижения этой цели.

Хорошо известен итог подобной манипуляции смехом. Рассматривая карикатуры, читая фельетоны в сатирическом журнале «Крокодил» или следя за сюжетами киножурнала «Фитиль», люди, конечно же, не сдерживали свой смех, а чаще грустную улыбку, но коренных изменений на практике не происходило. Нерасторопные официанты, грубиянки-продавщицы, молодые жены старых мужей, тещи, родители, готовые уроки вместо своих детей, черствые чинуши, погрязшие в бюрократии, бестолковые водопроводчики и нерадивые маляры, летуны и спекулянты, пьяницы, разрушители социалистической морали в образе несдержанных любителей зарубежной музыки и не в меру впечатлительных последователей западной моды на самом деле не вызвали широкого народного возмущения и гнева. Явления, изобличаемые советской сатирой, буквально лежали на поверхности. К тому же они были настолько привычными, а их негативизм настолько бесспорным, что сатирические нападки на эти «изъяны социалистической действительности» не несли с собой свежих впечатлений и переживаний. Смех буквально «проваливал» возложенную на него миссию, поскольку в данном случае «способность смеяться использовалась как средство удовлетворения внешних по отношению к смеху потребностей» [12, с. 8]. Здесь, с одной стороны, очевидна несоразмерность объекта высмеивания и примененного приема. Как выразил эту мысль исследователь комического Ю. Бореев, «по воробьям из пушки не стреляют» [13, с. 211]. А с другой, – ставя перед собой задачу, состоящую в разоблачении и низвержении какого-либо зла, такая сатира заведомо обрекала себя на неудачу. По справедливому замечанию Б. Дземидока, «...лишь в отдельных случаях достаточно разоблачить и продемонстрировать ничтожность и комичность какого-либо явления, чтобы взрыв всеобщего дискредитирующего смеха был равнозначен победе» [14, с. 181].

Напротив, социально-философская сатира Мандевилля преследовала не утилитарные цели, а возвышенный интерес – она демонстрировала вредность явлений, которым трудно дать однозначную моральную оценку, поскольку они порой производят впечатление явлений здоровых. Смеховая подача серьезных идей приводит у этого мыслителя к неожиданной развязке, – к инсайту, внезапному открытию читателем общественного противоречия, что в свою очередь вызывает у него смех, связанный с потрясением от несоответствия умозаключений автора привычным для людей мнениям. Смех Мандевилля был призван раскрыть суть глубинного социального парадокса, но, в конечном итоге, не склонял ни к какому заранее подготовленному решению. Философ умышленно оставлял читателей перед открытой альтернативой, предоставляя право им самим определиться, какому выводу следовать. Ведь высмеивая порок, он не агитировал за его скорейшее изживание; насмехаясь над желанием жить в процветающей стране и наслаждаться роскошью, сохраняя при этом нравственную чистоту, он не призывал ни к немедленному опрощению, ни к суровому аскетизму. *Выходит, что своеобразие мандевилевской сатиры состоит в том, что в ней смех выступает не только как средство, но и как цель. Отказываясь от претензий на полное и окончательное избавление человека и общества от пороков, которые составляют суть и конечную цель традиционных сатирических произведений, он, напротив, предостерегает от попыток*

искусственной, насильственной идеализации сущности индивидуального и социального человеческого бытия. Таким образом, привлекая смеховое отношение для изображения противоречий человеческой природы и общественного развития «с целью развлечения, но не только лишь забавы ради» Мандевиль добился совершенно непредсказуемого эффекта. В его басне все элементы мозаики сами собой сложились в причудливое панно, которое иначе как социально-философской головоломкой не назовешь.

В то же время противоречивый сатирический смех позволил ему обозначить совершенно определенные, недвусмысленные константы, которые не теряют своей актуальности и сегодня. Как отмечает А.И. Некрасов, «...идеи Мандевилля парадоксальны и современны. За три столетия до наших дней он дал однозначный ответ “новым” русским, украинцам и прочим, утверждающим, что они нажили свои миллионы честным трудом и готовы доказать это с документами на руках. Он отчетливо показал: для нормальной жизни необходимы средства, но они добываются такими способами, которые делают жизнь других людей, а иногда и свою собственную жизнь ненормальной. Например, наши “предприимчивые” современники торгуют наркотиками, фальсифицированными медикаментами, продуктами, спиртными напитками и прочим. Они не щадят даже детей, используя их в порнобизнесе» [15, с. 107]. Мандевиль четко дает нам сегодняшним понять, что не дано осуществиться планам «всестороннего оздоровления общества», когда государственная верхушка, призывающая к порядку, сама погрязла в постоянных коррупционных скандалах и дележе выгодных экономических схем. Значит ли это, что нам следует поторопиться с созданием нового более совершенного (или близкого к идеальному) социального проекта? Исходя из мандевилевского учения, – не стоит. Ведь ничуть не устарела «Мораль» «Басни о пчелах»:

Да будет всем глупцам известно,
 Что улей жить не может честно.
 Богатство, славу умножать,
 Притом пороков избежать –
 Нельзя; такое положенье
 Возможно лишь в воображенье [6, с. 129].

Вчитываясь в эти строки «Возроптавшего улья», напрашивается еще одна мысль: не является ли Мандевиль родоначальником антиутопии, а его басня – одним из ранних произведений этого жанра? Сатирическое описание того, к чему в конечном итоге пришли пчелы, освободившись от своих пороков и начав честную и порядочную жизнь, является у него одновременно и критикой представлений о «золотом веке», который в сложившейся традиции долгое время связывался с идеалом общества всеобщего благосостояния. Аллегория, использованная мыслителем, указывает на невозможность достижения идеализированного общественного состояния и принципиального устранения социального зла. Единственное, что может быть ему противопоставлено, по Мандевиллю, – это правовое государство, основанное на силе закона и правопорядка. Предпринятый им способ сведения любых попыток идеализации социальной действительности к абсурду, лишенному всяких признаков естественного человеческого существования, и смеховое разоблачение этой идеи от обратного стало общепризнанным приемом антиутопии. Высмеивание как ключевой инструмент опровержения сомнительных идей об улучшении общественного порядка является неотъемлемой составляющей всех последующих антиутопических произведений. Они, как правило, написаны в форме иронических «романов-предостережений», сатирических притч, остроумной научной фантастики. В.И. Касьян вообще утверждает, что «антиутопия – идейное течение, которое происхождением формально обязано сатирической традиции Дж. Свифта, Вольтера, У. Ирвинга, С. Батлера, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др.» [16, с. 28]. На наш взгляд, этот ряд кажется неполным без имени Бернарда Мандевилля. Достаточно напомнить, что к

истории пчелиного улья как сатирической аллегории человеческого общества под его влиянием в дальнейшем обращались самые разные авторы. Меняя понятийный подтекст аллегории, ее идейный смысл и объект сатирической направленности, выбирая вместо стихотворной формы прозу, они, в общем, пользовались теми же приемами, что и Мандевиль.

Таким образом, можно утверждать, что истоки универсальных смыслов социально-философских басен Б. Мандевилля лежат не только в том, что ему удалось выявить определенные закономерности общественного развития, но и в интуитивном выражении этих закономерностей через смеховое отношение. *Духовно-нравственное и мировоззренческое содержание мандевилевских идей, выраженное при помощи практической направленности смеха, его непрямая актуализация в каждое конкретное время придали его «Басне о пчелах» то особое свойство, которое делает возможной структурирующую систематизацию социальных смыслов и обеспечивает им универсальное звучание.*

Выводы

Вопреки бытующему мнению о том, что философия вообще, а тем более исследования, затрагивающие изучение развития социально-экономической и политической сферы общества, должны быть выдержаны в рамках исключительно рационально-логического подхода, Бернард Мандевиль своими произведениями доказал обратное. Его творчество – яркий пример того, что существуют такие вечные философские проблемы, связанные с самой сутью человеческого бытия, которые имеют столь высокую степень напряжения, что требуют более выразительных средств их осмысления, чем только абстрактный интеллектуальный анализ.

Создавая свои сатирические философские басни в конкретно-исторических обстоятельствах Англии начала XVIII века, ему удалось уловить настроение переходной эпохи, «угадать» ту интонацию, с которой надо обращаться к читателю. Мандевиль ярко продемонстрировал, что иные философские позиции нуждаются в эмоционально-чувственном выражении, саркастической, сатирической критике. Насмешливость стала преобладающим тоном его творчества. Использованием смеха не только как средства, но и в качестве цели сатиры (изначально мыслитель создавал философские басни главным образом для развлечения), Мандевиль обрек свои творения на неизменное внимание, сделал их необыкновенно притягательными, доступными и в то же время обсуждаемыми, критикуемыми, оспариваемыми.

Отказавшись от крайней формы сатирической критики – отрицания, он создал самобытную манеру изложения обнаруженных им противоречий индивидуального и общественного развития. *Противопоставляя моральное и социальное зло идеалу, иронически обобщая жизнь общества, он не преследует цель преодолеть отрицательные явления и утвердить идеалы, а лишь обращает внимание на наличие неразрывной взаимосвязи между эгоистическими наклонностями человека, его несовершенствами, низменными побуждениями и процветанием цивилизованных обществ. Смех он использует не как «оружие» (средство борьбы), а как универсальный способ социальной коммуникации, чтобы донести до общественности свои парадоксальные идеи. Смех Мандевилля выполняет функцию конструктивного рассмотрения общественных противоречий, главное из которых состоит в том, что «...ни одно общество не может возвыситься и стать богатым и могущественным королевством или, возвысившись подобным образом, поддерживать свое богатство и могущество в течение сколь-нибудь продолжительного времени без пороков людей» [6, с. 212].*

Интуитивное обращение к смеху для отражения определенных противоречий социального взаимодействия и развития позволило этому философу даже через столетия оставаться современным. Именно смех как универсальный мировоззренческий регу-

лятор до сих пор не дает выветриться тем посылам, которые заложил Мандевиль в свое социально-философское учение. Смех как совершенное коммуникативное средство и в новых исторических и социокультурных обстоятельствах позволяет находить точные созвучия мандевилевских идей с проблемами каждой последующей эпохи, обнаруживая тем самым абсолютную правоту автора и неизменную актуальность его взглядов. Поэтому, на наш взгляд, дальнейшие социально-философские разработки целесообразно посвятить более подробному исследованию социальных функций смеха, изучению его возможностей как средства выявления, транслирования и рассмотрения закономерностей общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ланге Ф.А. История материализма и критика его значения в настоящее время / Ланге Ф.А. – СПб. : Изд-во «Вестника знания» (В.В. Битнера), 1881 – 1883. – Т. 2. – 357 с.
2. Sakman P. Bernard de Mandeville und die Bienenfabel. – Controverse eine Episode in der Geschichte der englischen Aufklärung. / P. Sakman. – Freidurg ; Leipzig ; Tubingen, 1897. – 328 S.
3. Виноградов Н.Д. Философия Давида Юма / Н.Д. Виноградов // Ученые записки императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. – [Ч. 2]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1911. – Вып. 41.
4. Субботин А.Л. Бернад Мандевиль / Субботин А.Л. – М. : Мысль, 1986. – 136 с. – (Мыслители прошлого).
5. Тревельян Дж.М. Социальная история Англии / Тревельян Дж.М. – М. : Наука, 1956.
6. Мандевиль Б. Басня о пчелах / Б. Мандевиль. – М. : Художественная литература, 1974.
7. Mandevilles Bienenfabel. [Herausgegeben von Otto Bobertag]. – Munchen, 1914.
8. Маркс К. Теории прибавочной стоимости / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – [2-е изд.]. – Т. 26. – Ч. 2. – М., 1963.
9. Овсянников М.Ф. История эстетической мысли / Овсянников М.Ф. – М. : Искусство, 1984.
10. Козинцев А.Г. Человек и смех / Козинцев А.Г. – СПб. : Алетейя, 2007. – 236 с.
11. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / Бахтин М.М. – [2-е изд.]. – М. : Художественная литература, 1990.
12. Артемова Ю.А. Смеховое поведение: формы и функции (этнолого-психологический аспект) : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. ист. наук / Ю.А. Артемова. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2006. – 26 с.
13. Боров Ю. Комическое / Ю. Боров. – М. : Искусство, 1970. – 269 с.
14. Дземидок Б. О комическом / Б. Дземидок ; [пер. с польск.]. – М. : Прогресс, 1974. – 223 с.
15. Некрасов А.И. Этика : учебное пособие / Некрасов А.И. – Х. : ООО «Одисей», 2003. – 400 с.
16. Касьян В.І. Антиутопія / Касьян В.І. // Соціальна філософія : Короткий Енциклопедичний Словник ; [загальна редакція і укладання : В.П. Андрущенко, М.І. Горлач]. – Київ – Харків: ВМП «Рубікон», 1997. – 400 с.

О.В. Мальцева

Універсальні смисли соціально-філософської сатири Бернарда Мандевіля

Стаття присвячена аналізу соціально-філософської сатири Б. Мандевіля. Відмічається, що дослідження соціальної дійсності за допомогою сміхового відношення дозволило Б. Мандевілю не тільки виявити зловіденні проблеми Англії початку XVIII століття, але й розкрити деякі універсальні смисли та закономірності суспільного розвитку.

O.V. Maltseva

The Universal Meaning of Social and Philosophical Satire of Bernard Mandeville

This article analyzes the socio-philosophical satire of B. Mandeville. It is noted that the analysis of social reality through laughing attitude lets B. Mandeville not only open the burning problems of England in the beginning of the XVIII century, but also to reveal universal meanings and regularity of social development.

Стаття постуила в редакцію 16.11.2009.